

Диалог с прошлым

Исполнитель моноспектакля так или иначе ищет себе партнера. В драме должен быть конфликт. Театр немыслим без действия. Известный польский актер Тадеуш Ломницкий, выбрав монодраму Самуэля Беккета «Последняя лента Крэппа», которую он показал в Москве на Международном фестивале, столкнулся с героем, как это и задумано автором, с его прошлым. Так сказать, Крэпп против Крэппа. Или Крэпп в поединке с самим собой, мучительно пытающийся оправдаться, переиграть жизнь заново, зная наперед, что это невозможно.

Как играть Беккета? Эта загадка все еще продолжает волновать актеров разных стран, хотя пьесы драматурга-ирландца уже более трех десятилетий идут на сценах мира. Одни исполнители выдвигают на первый план катастрофическое крушение личности, натуралистический показ ее физиологического распада. Другие приковывают внимание зрителей к эффектной сценическому гротеску, изысканной психологической театральной клоунаде... Играв Крэппа, Тадеуш Ломницкий приоткрывает завесу над разными возможностями, которые предоставляет театру драматург.

Во-первых, он убеждает нас в том, что Беккета должен играть актер-мастер. С длинной паузы-пантомимы начинается

спектакль: в день своего 69-летия Крэпп лакомится, съедая подряд два банана. Житейски прозаический акт обращается в своего рода торжественный ритуал. Крэпп бесконечно растягивает удовольствие. Пользуясь этим, Тадеуш Ломницкий, не торопясь, вводит нас в своеобразный художественный мир Беккета, где фантастическое и реальное, комическое и трагедийное причудливо сосуществуют.

Во-первых, и это также весьма важно, актер доказывает, что в пьесах Беккета надо играть очень просто, точно, даже аскетично. В этом ему помогает режиссер Антони Либер. Только черный и белый цвета, да еще оттенки серого — металлические коробки с магнитофонными лентами. Собственно цвет вообще почти не имеет значения в спектакле. Важнее — тени и свет. Черная глубина сцены, как беспросветный мрак, вечность. Ослепительно яркий луч света, падающий от лампы, бьет прямо в лицо Крэппа, как бывает на допросах... На этот раз в качестве следователя выступает сам Крэпп: он жаждет пробиться к истине. Он предъявляет счет жизни. Или это, напротив, жизнь предъявляет свой счет ему?

Ведь было же что-то настоящее в биографии одинокого, неопрятного старика, решительно никому сегодня не

нужного? Хотя бы один солнечный день, когда ему исполнилось 39 лет, лодка, плывущая по реке, и прекрасная обнаженная женщина на дне лодки! Крэпп слушает свой голос, записанный на магнитофонную ленту. Тогда он обращался в будущее. Теперь, комментируя себя, спорит с прошлым. Два монолога, сливаясь, образуют единое целое — диалог, в котором все логично и противоречиво.

В какие-то моменты лицо Крэппа — Ломницкого выглядит необычайно просветленным. В его глазах — мудрость, ясность. Во всем облике — одухотворенность. А потом, так же внезапно, как зажегся, этот внутренний свет меркнет. Перед нами снова обреченный на

жалкую старость человек. С потухшим взглядом. Без надежды.

А если бы, в самом деле, довелось все начать с самого начала? Все равно ничего бы другого не получилось. Эгоистическое «я» Крэппа неизбежно восторжествовало бы надо всем.

В моноспектакле все или почти все решает личность актера. Надо обладать особой силой воздействия на зал, чтобы держать внимание зрителей на протяжении часа и более. Этой магнетической силой в полной мере владеет Тадеуш Ломницкий.

А. ОБРАЗЦОВА.

● Сцена из спектакля
Фото С. Михайлова.

